

М.Г. Мальцев
г. Череповец

СЕВЕРЯНИНСКИЕ МЕСТА ЧЕРЕПОВЕЦКОГО КРАЯ

Значение Череповецкого края в творческом становлении Игоря Северянина несомненно, ведь в «староновгородских краях» он прожил с 9-летнего до 16-летнего возраста – период активного формирования личности человека. Кроме того, по собственному признанию, именно здесь он почувствовал себя поэтом. Не удивительно, что тема «Игорь Северянин и Череповецкий край» многократно поднималась исследователями жизни и творчества поэта¹.

¹ Вот краткий список публикаций, посвященных этой теме: *Александрова М.* Поэт и музыка // Ударная стройка. 1987. 18 апр.; *Бабичева Ю.* Поэт с открытой душой // Красный Север. 1987. 24 апр.; *Бабичева Ю.* Двусмысленная слава и недвусмысленный талант // Красный Север. 1986. 2–10, 19 авг.; *Батурина Н.* Все люблю я в Игоре // Русский телеграф. № 51. 1999. 23–29 дек.; *Батурина Н.* Игорь-Северянин и усадьба Владимировка. Череповец, 1999; *Виноградов С.* Я гений, метросексульный!.. // Белые ночи. 2007. № 6. С. 23–24; *Волинская Н.* Поэт-земляк // Коммунист. 1967. 16 мая; *Гарифулина М.* Певец Севера // Ударная стройка. 1987. 18 апр.; *Документова Н.Т.* О генеалогии И. Северянина // Череповец. 1996. Вып. 1. С. 150–156; Игорь Северянин: [Буклет / Череповец. музей. об-ние; Авт. текста О.В. Шеляпина; Отв. за вып. Э.П. Риммер]. [Череповец]: Историк, Б.г. (1991); Игорь Северянин: [Библиогр. указ.]: Прил.: Игорь Северянин в Эстонии / Центр. гор. б-ка им. В.В. Верещагина, информ.-библиогр. отд. Череповец: Б.и. 1999; Игорь-Северянин и усадьба Владимировка / Череповец. музейное об-ние; авт. текста: Н.Т. Батурина; фото: Т.Н. Соломко. Череповец: [Б.и.], 1999; *Кошелев В.* «О России петь, что весну встречать» // Вологодский комсомолец. 1987. 15 мая; *Кошелев В.А.* Король поэтов – Игорь Северянин // Сочинения: В 5 т. Т. 1. С. 5–26; *Кузин А.* Река времени // Наш современник. Спецвыпуск к 225-летию Череповца. Череповец, 2002; *Минин В.Н.* Усадьба «Сойвола»: поэтическая колыбель И. Северянина / Научн. консультант О.В. Шеляпина; Череповец. музейное об-ние. [Череповец]: Тип. ОАО «ЧСПЗ», [2002]; *Минин В.Н.* Поэтическая колыбель Игоря Северянина [усадьба «Сойвола»]. Череповец, 2002. С. 155–177; *Озерина Е.* Памяти поэта-земляка // Коммунист. 1977. 20 мая; О Игоре Северянине: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Северянина. Череповец, апрель 1987 г. / Отв. ред. В.А. Сапогов. Череповец, 1987; *Рогозина М.Г.* Вологодская усадьба Суда // Русская усадьба. Вып. 7 (23). 2001. С. 515–523; *Сорокина И.* В северной губернии, на реке форелевой // Вологодская афиша. 2009, осень. С. 46–48; *Шеляпина О.* «Я люблю край новгородский» // Коммунист. 1987.

Но комплексно этот вопрос рассмотрен не был. Не претендуя на всеобъемлющее раскрытие темы, мы попытаемся в данной статье кратко рассказать обо всех фиксируемых документально северянинских местах, располагавшихся в пределах Череповецкого уезда [4].

Как известно, будущий поэт приехал на Череповецкую землю вместе с отцом в 1896 г. и первоначально поселился в имении Елизаветы Петровны Журовой, располагавшейся неподалеку от места впадения реки Андоги в Суду (ныне поселок Андогский Череповецкого района). К сожалению, источники не позволяют установить точный период проживания мальчика в имении тети, вероятнее всего, он провел там около года. Несмотря на кратковременность пребывания, это место сыграло важную роль в творческом становлении Игоря Лотарева, о чем мы узнаем из его поэмы «Роса оранжевого часа»:

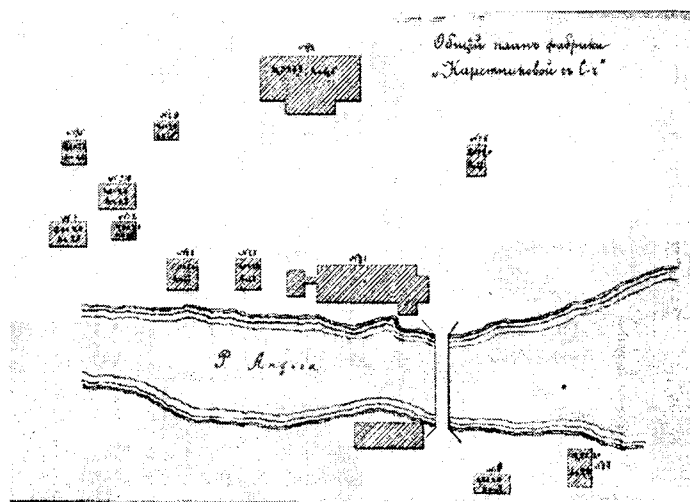
Завод картонный тети Лизы
На Андоге, в глухих лесах,
Таил волшебные сюрпризы
Для горожан, и в голосах
Увиденного мной впервые
Большого леса был призыв
К природе. Сердцем ощутив
Ее, запел я; яровые
Я вскоре стал от озимых
Умело различать; хромым
Собак жалеть, часы на псарне
С борзыми дружно проводя,
По берегам реки бродя,
И все светлей, все лучезарней
Вселенная казалась мне [13, с. 232].

Указанные строки однозначно свидетельствуют, что Андога стала местом, где поэт впервые почувствовал красоту северной природы и устремился к ней душой и сердцем. То есть это место способствовало формированию яркой открытой поэтической нату-

21 апр.; *Шеляпина О.* «Поэма жизни – жизнь сама!» // Московский журнал. 1993. № 8. С. 50–52; *Шеляпина О.* «Одна мечта: вернуться бы к тебе» // Речь. 1994. 8 апр.; *Шеляпина О.* «Я прожил три зимы в Реальном...» // Пятницкий бульвар. 2009. № 2, 3.

ры Игоря Северянина, которую в свое время почувствовал А. Блок, написавший в дарственной надписи на книге «Ночные часы»: «Поэту с открытой душой».

Если примерное местоположение усадьбы (поселок Андогский, фабрика 7-й годовщины) у исследователей особых вопросов не вызывало, то точная ее локализация до последнего времени известна не была. Помочь в ее установлении нам позволила книга «Материалы для оценки фабрик и заводов» (1901 г.) [6], где приведен план построек «картонного завода тети Лизы», к этому времени перешедшего в ведение Товарищества мануфактур Каретниковой с сыном. В справочнике содержится подробный план предприятия, на котором пронумерованы все строения, за исключением большого дома, располагавшегося рядом с плотиной и мостом напротив главного фабричного корпуса – на противоположном от него берегу Андоги. Отсутствие нумерации однозначно свидетельствует, что это здание не входило в комплекс фабричных построек, но близость к ним и большие размеры заставляют с почти стопроцентной уверенностью предположить, что именно оно и было усадьбой тети, где поэт поселился с отцом в 1896 г. Дополнительным подтверждением гипотезы служит описание имения, приведенное в «Росе оранжевого часа».

План «картонного завода тети Лизы»

Рядом с мостом на левой стороне Андоги показано нумерованное большое прямоугольное здание усадьбы Журовых, в котором жил поэт после переезда в Череповецкий край. Пронумерованные объекты (в скобках их стоимость в рублях): 1. Главное здание (6787), оборудование его (23205); 2. Сушилка для картона (4774); 3. Жилой дом (4077); 4. Лавка (820); 5. Столярная (430); 6. Сторожка (398); 7. Амбар (372); 8. Кузница (411); 9. Угольная яма (212); 10. Амбар для картона (341); 11. Амбар для картона (341); 12. Амбар для картона (182). Надворные сооружения и механизмы (7475).

Сближала берега плотина.
На правом берегу реки
Темнела фабрики машина.
И воздух резали свистки.
А дом и все жилые стройки
На левой были стороне,
Где повара и судомойки
По вечерам о старине.
Сойдясь, любили поговорить.
Попеть, потанцевать, поспорить
И прогуляться при луне [13, с. 233–234].

К сожалению, здание усадьбы не сохранилось. Тем не менее на ее месте вполне можно установить памятный знак с рассказом о пребывании здесь известного поэта. А значит, поселок Андогский может стать значимой точкой на карте туристического маршрута по северянинским местам.

В 1896 г. в 7 верстах от имения тети началось строительство второй фабрики:

А в это время шла на Суде
Постройка фабрики другой,
Где целый день трудились люди,
Согбенные от нош дугой [13, с. 234–235].

При ней возвели новую усадьбу, в которую Игорь вскоре переехал.

Как уже отмечалось нами, точная дата переезда не известна. Однозначно можно сказать, что он состоялся не позднее 1899 г., так как этим годом датируется стихотворение юного поэта с пометкой «Сойвола». Вероятнее всего, начало проживания следует датиро-

вать 1897 г., т.к. из контекста поэмы «Роса оранжевого часа» видно, что переезд Игоря Северянина состоялся до поступления в реальное училище г. Череповца.

Наименование усадьбы встречается в целом ряде поэтических произведений и даже воспоминаниях поэта: «С 1896 г. до весны 1903 г. я провел преимущественно в Новгородской губернии, живя в усадьбе Сойвола, расположенной в 30 верстах от г. Череповца» [12].

Несмотря на столь конкретное указание на местоположение усадьбы, долгое время считалось, что поэт годы детства и отрочества провел в имении Владимировка, располагавшемся в 2 верстах.

Череповецкий журналист В.Н. Минин в книге «Усадьба „Сойвола“: поэтическая колыбель И. Северянина» [7] смог аргументированно доказать ошибочность этого мнения и установил точное местоположение усадьбы, где поэт проводил летние каникулы с 1898-го по 1903 г. Ныне здесь установлен памятный знак.

В Сойволе поэт испытал первую настоящую любовь к своей кузине Елизавете Михайловне Лотаревой (лильчатой Лиле, как он ее ласково именовал), которая была старше Игоря Лотарева на 5 лет:

Ко мне идет, меня олиля,
Измиловав и умиля.
Кузина, лильчатая Лила.
Единственная, как земля! [13, с. 255].

В автобиографии, написанной для «Словаря русских писателей» С.А. Венгерова, поэт отметил: «Там, на любимой Суде, Игорь проводил летние каникулы, лишь изредка отпускаемый в Петербург к матери, и там же он познал первую (идеальную) любовь к кузине Лиле, дочери брата отца, которая была на 5 лет его старше. Автор осознал себя поэтом благодаря этой любви» [2, с. 7].

Таким образом, Сойволу (ныне деревня Сойволовское) можно по праву назвать одной из ключевых точек на северянинской карте Череповецкого края, по образному выражению В.Н. Минина, «родниковым местом его поэзии» [7, с. 25].

Другим таким местом является усадьба Владимировка, где расположен единственный в России мемориальный музей Игоря Северянина.

Постановлением администрации Вологодской области № 45 от 24.01.1994 г. «Дом Лотаревых в с. Владимировка, в котором ежегодно с 1896-го по 1917 г. проживал поэт Игорь-Северянин (Игорь Васильевич Лотарев)» [8] был внесен в список объектов культурного наследия регионального значения. В 1996 г. комплекс передали Череповецкому музейному объединению для устройства музея, который был торжественно открыт в 1997 г. – в год 110-летнего юбилея поэта.

Правда, находка В.Н. Минина поставила существование музея в двойственное положение. Виталий Николаевич однозначно доказал, что во Владимировке поэт не проживал. Несостоятельной оказалась и хронология пребывания поэта во Владимировке (1896–1917), указанная в постановлении администрации Вологодской области. В.Н. Минин пошел дальше, написав: «Но остается еще вопрос: „Сколько раз и когда поэт Северянин бывал во Владимировке?“ С определенностью можно сказать, что в юные годы в гостях у дяди Миши Игорь не бывал. Михаил Петрович сам приезжал в гости в „Сойволу“ со всем семейством. Свою усадьбу он начал строить лишь в 1899 г. Строительство во Владимировке началось с небольшого одноэтажного дома. Это уже позднее был построен двухэтажный просторный особняк со всеми хозяйственными постройками и красивым садом. А вот после возвращения в Петербург из Порты Дальнего – другое дело» [7, с. 22–23].

Далее Виталий Николаевич цитирует фрагмент из поэмы «Падучая стремнина» о пребывании поэта во Владимировке в апреле 1906 г., утверждая, что это «единственное» упоминание усадьбы дяди в стихах поэта:

Мы были к утру на лазурной Суде.
От станции верстах в семи, не больше,
Именье дяди, при впаденьи Кэмзы
В мою незаменимую реку.
Лилевый дом на берегу высокою,
Вокруг глухие хвойные леса [13, с. 288].

Следует отметить, что процитированный фрагмент является последним достоверным свидетельством визита Игоря Северянина во Владимировку. То есть, если согласиться с мнением Виталия Николаевича, мы вынуждены признать, что единственный мемориальный музей поэта в России располагается в месте, где поэт был в

гостях всего один раз в жизни, к тому же весьма непродолжительное время и не написал там ни одного дошедшего до нас стихотворения.

К счастью, это не так. Игорь Северянин, несомненно, бывал во Владимировке до своего отъезда на Дальний Восток, свидетельством чему является фотография, датируемая предположительно 1901–1902 гг. На ней прекрасно заметен фрагмент усадебного дома, имеющий все характерные признаки усадьбы во Владимировке, и изображен отец поэта, скончавшийся в 1904 г.

Усадьба Владимировка. Около 1901–1902 гг.
Нижний ряд: крайний слева Игорь Северянин.
Средний ряд слева направо: Виктор Журов, 3-я – Е.Н. Лотарева (тетя),
М.П. Лотарев (дядя), В.П. Лотарев (отец поэта)

Кроме того, свидетельством пребывания поэта в имении дяди служат его стихи. В частности, в упомянутой выше поэме «Падучая стремнина» он написал:

Я вспоминал свою любовь былую,
Любовь души двенадцативесенней
К другой душе пятью годами старше, –
Я вспоминал любовь к кузине Лиле.
Смотря на эти милые когда-то
По детским впечатлениям места [13, с. 288].

Показательно, что в тексте поэмы Игорь Северянин ни словом не упоминает посещение Сойволы, по всей вероятности, к тому времени полностью отошедшей к новому владельцу – купцу А.С. Судакову. А значит, последние строки следует отнести к имению дяди.

Подтверждением данного мнения служит фрагмент из «Поэзы детства и отрочества» (1912 г.), где Игорь Северянин, обращаясь к реке Суде, пишет:

Твой правый берег весь олесен,
На берегу лиловый дом,
Где возжигала столько песен
Певунья в тускло-золотом [9, с. 536].

Усадьба Сойвола находилась на левом берегу Суды, а вот Владимировка – на правом, то есть поэт недвусмысленно заявляет, что источником поэтического вдохновения в отрочестве для него было именно последнее селение, где проживала первая любовь – кузина Елизавета.

Третье упоминание Владимировки мы встречаем в стихотворении «Элегия» («Я ночь не сплю, и вереницей...») 1905 г., включенное в знаменитый «Громокипящий кубок»:

В своих мечтах я вижу Суду
И дом лиловый, как сирень [9, с. 60].

Как видим, все приведенные выше описания объединяет две характерные черты: лиловый дом на лесистом правом берегу Суды и «царица грез Елисавета», проживавшая в нем.

Показательно, что уже в эмиграции в творческом воображении поэта Елизавета получила новое имя «лильчатая Лиля», в котором как бы слилось воедино все примечательное, что относилось к усадьбе дяди.

Таким образом, можно утверждать определенно, что Владимировка занимает важнейшее место в судьбе Игоря Северянина и именно к ней, в первую очередь, следует отнести слова, что здесь на Севере он впервые почувствовал себя поэтом.

Попробуем разобраться с хронологией пребывания Игоря Северянина во Владимировке. Из поэмы «Роса оранжевого часа» известно, что заложена усадьба дяди была в 1899 г., когда поэт испы-

тал первую юношескую любовь. Причем «царица грез Елизавета» в том же году стала путешествовать на лодке в строящуюся усадьбу вместе с двоюродным братом Виктором Журовым. По-видимому, вслед за ними плывал туда и юный поэт. Постройка усадьбы завершилась не позднее 1902 г., о чем свидетельствует упомянутая выше фотография, которая не могла быть сделана позднее лета 1902 г., т.к. весной 1903 г. Игорь Северянин уехал на Квантун. Нижняя дата устанавливается на основании воспоминаний двоюродной сестры поэта Лиды, которая сообщает, что в 1900 г. она приехала с отцом не во Владимировку, а в Сойволу, следовательно, к этому времени дом дяди еще возведен не был. Получается, что встречаться с Елизаветой во Владимировке Игорь Северянин мог в летние месяцы 1901–1902 гг., т.к. семейство дяди приезжало туда в теплый период года.

В апреле 1906 г. И. Северянин по приглашению дяди в очередной (возможно, последний) раз побывал во Владимировке. Из контекста поэмы «Падучая стремнина» следует, что это стало первым посещением усадьбы после возвращения с Дальнего Востока. Год приезда устанавливается достаточно точно из общей хронологии поэмы, а также обстоятельств любовного романа со Златой. Месяц приезда и даже примерная датировка тоже не вызывают особых сложностей. Дядя пригласил племянника встретить Пасху, которая в 1906 г. отмечалась 2 апреля (по старому стилю). Для этого он должен был прибыть не позднее 1 апреля. Уехал Игорь после окончания праздничных дней (т.е. Светлой седмицы), которая продолжалась с 3 по 9 апреля. Следовательно, в обратную дорогу он отправился около 9–10 апреля. В поэме поэт рассказывает о поездках в деревню Заозерье Череповецкого уезда (ныне Кадуйский район), которую также, с некоторой долей условности, можно включить в список северянинских мест. К ним, по-видимому, можно отнести и село Нелазское с двумя величественными храмами Успения Божией Матери (1694 г., ценнейший памятник деревянного зодчества) и Михаила Архангела (1785 г. и 1896 г.), т.к. усадьба Владимировка была приписана к Нелазскому приходу. В начале XX в. встреча Пасхи была немыслима без посещения церкви, а значит, Игорь с дядей и кузенами просто обязаны были побывать там. Причем они наверняка посетили оба храма, т.к. в пасхальную ночь совершался переход из зимней церкви в летнюю.

Более поздние приезды Игоря Северянина во Владимировку документально не фиксируются, за одним исключением. Двоюродный племянник поэта Георгий Викторович Журов (1905–1988) незадолго до своей смерти написал объемные воспоминания «Счастливые дни поэта» [1], в которых рассказал о приезде Игоря Северянина во Владимировку в период своей славы. Данный визит принято датировать 1915–1917 гг. – по упоминанию сборника «Ананасы в шампанском», вышедшего 23 января 1915 г. При этом не всегда учитывается, что Г.В. Журов в воспоминаниях на самом деле цитирует стихи из более раннего сборника «Громокипящий кубок», вышедшего 4 марта 1913 г. Следовательно, датировку можно расширить еще на 2 года. Воспоминания Георгия Викторовича содержат множество ярких запоминающихся подробностей, но выглядят совершенно недостоверно. Неправдоподобной является длительность проживания поэта во Владимировке (если строго следовать тексту, никак не меньше 3 месяцев). Однозначно можно утверждать, что в летописи жизни поэта за 1913–1917 гг. столь продолжительные временные лакуны отсутствуют. Кроме того, в записках приводятся факты, свидетелем которых автор не мог быть в силу юного возраста. Имеется множество явно недостоверных деталей. Например, мемуарист указывает, что поэт писал теневые профили и акварельные портреты местных девушек, что невозможно без умелого владения кистью. Таким талантом Игорь Северянин, по всей вероятности, не обладал, т.к. до нас не дошло ни одного написанного им акварельного портрета. Утверждается, что Игорь Северянин записывал народный фольклор, что мало согласуется с его личностью. Георгий Викторович утверждает, что во Владимировке были написаны поэма «Кунигунда и ее верный рыцарь Вилье Журе» и стихотворение «Призрак», которые отсутствуют в рукописном и печатном наследии поэта. Да и название поэмы плохо согласуется с творчеством поэта. Это лишь малая часть несоответствий, встречающихся в данных воспоминаниях. Их анализ позволяет сделать неутешительный вывод: все факты, относящиеся к поэту, придуманы автором и не имеют под собой реальной основы. Литературность воспоминаний и обилие в них художественно-выполненных, интересных и малодостоверных деталей свидетельствует, что мемуары – не более как вольное творчество на тему «Игорь Северянин во Владимировке», заняться которым автора, по-видимому, по-

будили 100-летний юбилей поэта и собственное кровное родство с ним¹.

Таким образом, хронология посещения поэтом Владимировки сужается с 1896–1917 гг., отмеченных в постановлении администрации Вологодской области, до летних месяцев 1901–1902 гг. и апреля 1906 г. В строящуюся усадьбу поэт мог приезжать, начиная с 1899 г.

Несмотря на кажущуюся кратковременность пребывания автора «Ананасов в шампанском» во Владимировке, мы должны признать, что эта усадьба была и остается ценным мемориальным памятником, позволяющим глубже постичь внутренний мир Игоря Северянина и истоки его поэтического вдохновения. И если Сойволу называют родниковым местом творчества классика, то Владимировку, пользуясь его же выражением, можно назвать «падучей стремниной» (водопадным местом) его поэзии, помня, что именно здесь

...возжигала столько песен
Певунья в тускло-золотом [9, с. 536].

Следует отметить, что во всех перечисленных выше селениях Игорь Северянин проживал относительно недолго: в имении тети он провел, по-видимому, не более года, в Сойволе жил постоянно, примерно столько же, а в последующие годы лишь приезжал туда на летние и зимние каникулы, во Владимировке он только бывал.

Самый длительный период его череповецкой биографии связан с уездным центром – городом Череповцом, где поэт учился в реальном училище с незначительными перерывами около 5 лет. К сожалению, списки учащихся этого учебного заведения сохранились фрагментарно, что лишает нас возможности установить точную дату поступления Игоря Северянина в училище. Вероятнее

¹ Мы не согласны с мнением современных исследователей творчества И. Северянина, что в основу мемуаров легли известные автору семейные предания о пребывании И. Северянина во Владимировке. Анализ записок однозначно свидетельствует об их вымышленности. Реальную основу имеют только некоторые обстоятельства быта усадьбы. Автор в целом правильно называет фамилии крестьян д. Владимировки, пусть с искажениями, но верно именуется управляющего именем. Но ни один изложенный им факт, относящийся к пребыванию И. Северянина во Владимировке, не находит документального подтверждения.

всего, он был принят в 1898 г. На это указывает ведомость учащихся за 16.08.1900 г., где поэт назван оставленным на второй год во 2-м классе, следовательно, переезд в Череповец следует датировать сентябрем 1898 г. Хотя не исключено, что будущий поэт мог учиться также на подготовительном отделении, в таком случае он прибыл в город на Шексне в 1897 г. (реалистов принимали с 10-летнего возраста, которого Игорь Лотарев достиг весной 1897 г.).

Согласно общепринятой точке зрения, приехав в Череповец, Игорь поселился в здании училища на квартире его директора Б.А. Тенишева, что является явной ошибкой. Борис Александрович был назначен директором Череповецкого реального училища только 18 августа 1899 г., когда Игорь успел отучиться в учебном заведении как минимум год.

В поэме «Роса оранжевого часа» И. Северянин, отметив, что он «прожил три зимы в реальном», в то же время ничего не сообщает о пребывании на квартире директора. Там утверждается другое:

Приехав в город в сентябре,
Заделался я квартирантом
Учителя, и потекли, –
Как розово их ни стекли! –
Дни серенькие... [13, с. 241].

Зная амбиции Игоря Северянина, думается, он не преминул бы упомянуть о проживании на квартире директора (а не простого учителя), если бы этот факт действительно имел место.

Как бы то ни было, первый адрес пребывания в Череповце определяется достаточно точно – здание реального училища (ныне проспект Луначарского, 5, административный корпус ЧГУ). На нем установлена мемориальная доска.

Далее в поэме Игорь Северянин описывает приезд в Череповец своей матери, которая сняла для него квартиру на Благовещенской улице неподалеку от Воскресенского собора (ул. Социалистическая, 14, здание не сохранилось). Правда, проживали они там недолго, т.к. Игорь Северянин, балуемый матерью, совершенно забросил учебу, и отец оказался вынужден отправить бывшую супругу в Петербург, а сына забрать к себе.

Третий череповецкий адрес Игоря Северянина, где он жил в последние годы учебы (до 1903 г.), мы узнаем из воспоминаний его

школьного товарища Петра Смирнова, который отметил, что поэт снимал жилье у его тетушки М.П. Бахметьевой. Местоположение дома Бахметьевой устанавливается на основании «Материалов для оценки недвижимых имуществ г. Череповца» (1902) [5, с. 93]. Он находился на перекрестке Александровского проспекта и Казначейской улицы – прямо напротив реального училища. В советские годы здание было разобрано. Его место частично занимает многоэтажный дом (ныне пр. Луначарского, 10).

В тех же воспоминаниях сообщается, что Игорь со своими товарищами любил гулять в Соляном саду (ныне Парк культуры и отдыха) и на Волковском пруду.

В стихотворении «Страничка детства» поэт описывает свое участие в масленичных гуляньях 1898 г. (на их третий день) – катание на тройке по Воскресенскому проспекту.

Из всех перечисленных северянинских мест Череповца до нас дошли только три: бывшие реальное училище, Соляной сад и Воскресенский проспект.

Говоря о значении Череповца в жизни Игоря Северянина, нельзя не коснуться его собственной оценки этого города. А определялась она, главным образом, контрастом вольготной и беспечной жизни на Суде (в Сойволе) и ученических будней в Череповце, где Игорь успехами не блистал. Последнее обстоятельство отчасти было связано с тем, что поэт, по природе гуманный, оказался вынужден по принуждению отца постигать точные науки:

Я алгебрил и геометрил.
Ха! Это я-то, соловей! [13, с. 260].

Стоит ли удивляться, что первая же его поэтическая характеристика Череповца, сделанная в 1912 г. в «Поэзе детства моего и отрочества», оказалась крайне нелицеприятной:

Череповец! пять лет я прожил
В твоём огрязненном снегу,
Где каждый реалист острожил,
Где было пьянство и разгул.
Что ни учитель – Передонов,
Что ни судеец – Хлестаков.
О, сколько муки, сколько стонов,
Наивно-жалобных листков!

Давно из памяти ты вытек,
Ничтожный город на Шексне,
И мой литературный выдвиг
Замедлен по твоей вине...
Тебя забвею. Вечно мокро
В твоих обельменных глазах,
Пускай гряduщий мой биограф
Тебя разносит в пух и прах! [9, с. 536].

Описание, мягко говоря, мрачноватое. Даже ироническое завершение стихотворения о «гряduщем биографе» не сильно скрашивает картину.

Череповецким литературоведением неоднократно предпринимались попытки сгладить эту характеристику. В частности, В.А. Кошелев в статье «Череповецкий край в поэзии Игоря Северянина» (1987 г.) в качестве противовеса указанным строкам привел стихотворение «Музей моей весны», ошибочно полагая, что оно также относится к Череповцу [3, с. 3–4]:

О, милый тихий городок,
Мой старый, верный друг.
Я изменить тебе не мог
И, убежав от всех тревог,
В тебя въезжаю вдруг! [10, с. 331].

Но вскоре выяснилось, что в «Музее моей весны» поэт описал не Череповец, а Гатчину, в окрестностях которой любил проводить летние месяцы и где им был написан знаменитый «Весенний день», упомянутый в данном стихотворении.

Таким образом, череповчане оказались вынуждены либо замалчивать приведенную выше цитату, либо мириться с тем, что Череповец оставил самые негативные впечатления в сердце Игоря Северянина.

Но не все так просто. Анализ творчества поэта свидетельствует, что с годами он стал менять свое отношение к некогда нелюбимому городу.

Если в 1912 г. Игорь Северянин рисует его в исключительно мрачных тонах, то спустя 6 лет, в 1918 г., мы видим уже другую картину. В послании к «Князю Б.А. Тенишеву» поэт пишет:

Мне сразу вспомнились и школа,
И детство, и с природой связь,
И Вы, мой добрый, мой веселый,
Мой остроумный, милый князь... [10, с. 558].

Показательно, что «школа», т.е. реальное училище, здесь не выглядит устрашающим, а бывшая нелюбовь к Череповцу проявляется лишь мимоходом:

В Череповце, от скуки мгlistом,
И тривиальном, и пустом... [10, с. 558].

Спустя еще 5 лет поэт пишет автобиографическую поэму «Роса оранжевого часа», где сам выступает в роли своего «грядущего биографа» и, казалось бы, имеет все возможности и даже обязанность «разнести в пух и прах» Череповец. Но почему-то этого не делает.

Прошлый негатив прячется лишь под ироничным высказыванием:

И в нем, среди косматых бород,
Среди его лохматых жен,
Я прожил три зимы в Реальном [13, с. 240].

Показательно, что здесь «острожит» уже не каждый реалист, а один – Николай Рысаков, действительно устроивший покушение на царя.

Единственное, что в поэме «разносится в пух и прах» – это реальное училище, но и то достаточно мягко и иронично:

Уныло было в нем и голо.
Давно пора его на слом [13, с. 257].

Самое интересное – дальше. Главное место в описании Череповца отводится самому радостному событию – приезду матери, в котором за ироничным описанием обстоятельств визита делается совершенно неожиданное признание:

О, в эти дни впервые лиру
Обрел поэт любимый ваш [13, с. 258].

Данное высказывание, несмотря на всю его определенность и недвусмысленность, вызывает некоторое недоумение. «Обретение лиры» – это, несомненно, появление поэтического дара, что подтверждается следующей далее строкой: «Горя театром и стихами».

Но возникает вопрос: почему «впервые»? Мы помним, что первое стихотворение было написано восьмилетним поэтом еще в Петербурге, второе нам известно – в Сойволе в 1899 г. То есть стихи писались и ранее, но, видимо, нечасто, да и были они крайне несовершенны. Впервые истинное вдохновение посетило будущую знаменитость в «тривиальном и пустом» Череповце, что достаточно символично.

Приведенный факт вроде бы вступает в противоречие с высказанными нами ранее близкими по контексту мыслями о роли Сойволы и Владимировки в творческом развитии поэта. Но это противоречие кажущееся. Сойвола – действительно является поэтической колыбелью Игоря, где он испытал чувство первой любви, сделавшей его поэтом. Владимировка – это место, вдохновлявшее поэта уже после «первого обретения им лиры» в Череповце.

Характерно, что после 1924 г. мы не встречаем в опубликованных стихах даже скрытых за налетом иронии негативных высказываний о Череповце.

Более того, в поэтических воспоминаниях город на Шексне отчасти вытесняет «лучезарную Суду» или, по меньшей мере, занимает равное с ней место.

Так, в 1929 г. поэт пишет стихотворение «Страничка детства», где рассказывает о своих самых ранних (еще до поступления в училище) впечатлениях от Череповца. Он описывает свое участие в масленичных гуляньях 1898 г. (на их третий день) – катание на тройке по Воскресенскому проспекту:

И разогрелась, дав Тимофею
На чай прикопленных три рубля,
Говорил: «Понимаешь? Чтобы всех быстрее!»
И кучер гиком ее распаял.
Десятки саней оставались сзади,
Саней уважаемых горожан,
И, к общей зависти и досаде,
Мальчишка взрослых опережал! [11, с. 23].

Как видим, здесь уже нет ни «косматых бород», ни «лохматых жен», а появляются вполне реальные «уважаемые горожане» и изображается искренняя радость ребенка, испытанная им в уездном городе, который оказался не таким уж «пустым» и «мглистым от скуки».

Но самая удивительная метаморфоза совершается дальше.

В 1940 г. Эстония, где жил поэт, была присоединена к СССР, и у Игоря Северянина появилась, как думалось, вполне реальная возможность посетить родные места, которая всколыхнула воспоминания о прошлом. И, казалось бы, навсегда потерявший голос поэт пишет в один день (08.09.1940 г.) сразу два проникновенных стихотворения, относящихся к числу лучших в его творчестве: «Стихи о реках» и «Сияет даль». Показательно, что они стали одними из последних его стихотворений – своеобразным творческим завещанием.

В первом поэт, размышляя о связи русских и эстонских рек, произносит глубоко вдохновенные слова:

И грезы ломкие и хрусткие
Влекут к волнующему сну:
Я снова вижу реки русские –
Нелазу, Суду и Шексну [13, с. 207].

Характерно, что он упоминает здесь не Неву, где родился и где приобрел всероссийскую известность, не Ижору, на которой располагается «милый тихий городок» Гатчина, в котором поэт имел дачу и который «взбурлил» в нем «Весенний день», чей «стих – весны ясней».

Нет, он вспоминает реки, «плывшие по юности», которые были для него особенно дороги. Причем называет три из них: Нелазу, переезжая через которую он попадал в дорогие сердцу места и где стоял приходской храм; Суду, на которой располагались родные усадьбы Сойвола и Владимировка, и Шексну. Но почему Шексну? Если мы обратимся к ранним стихам поэта, то обнаружим, что в них Суда воспевается достаточно часто и неизменно восторженно. Вот пример из «Поэзы детства моего и отрочества» (1912 г.), где дана разгромная критика Череповца:

О, Суда! голубая Суда!
Ты, внучка Волги! дочь Шексны!
Как я хочу к тебе отсюда
В твои одебранные сны! [9, с. 536].

Это четверостишие поэт дословно повторил и в «Росе оранжевого часа» (1924 г.).

И оно же стало чуть ли не единственным лирическим упоминанием Шексны в раннем творчестве И. Северянина. Остальные упоминания носят чисто гурманский характер: «стерлядь из Шексны», вариант «стерлядь из Череповца».

Данное обстоятельство вполне объяснимо. Дорогие Игорю Северянину места, где протекало его беспечное детство, располагались на Суде. На Шексне же стоял нелюбимый Череповец, где поэта против его воли заставляли постигать азы книжной премудрости. И разве могла она после этого служить источником вдохновения?!

Неужели к 1940 г. все изменилось: Шексна (а значит, и Череповец) в сердце поэта вдруг встала в один ряд с лучезарной Судой? Поверить в это сложно. Можно, конечно, предположить, что здесь Шексна появилась случайно, например, в качестве «матери» голубой Суды.

Но все сомнения рассеивает второе стихотворение «Сияет даль...», кульминацией которого являются следующие строки:

Шексна моя, и Ягорба, и Суда,
Где просияла первая любовь,
Где стать поэтом. в силу самосуда.
Взбурленная мне предредила кровь.
Вас повидать опять – мое желанье,
Непобеждаемое, как весна... [13, с. 208].

Здесь наряду с Шексной совершенно неожиданно появляется ее приток – река Ягорба, которая располагалась далеко от Сойволы и Владимировки и уж никак не была связана с пленительной Судой. До этого Ягорба в стихах Северянина встречалась лишь однажды – в «Росе оранжевого часа»:

Череповец, уездный город,
Над Ягорбой расположен [9, с. 536].

Далее следовала уже упомянутая тирада про «косматые бороды» и «лохматых жен».

Получается, что одновременное упоминание в стихотворении Шексны и Ягорбы, на которых стоит Череповец, дает однозначную топографическую привязку. У поэта было горячее, «непобеждаемое, как весна» желание наряду с Сойволой и Владимировкой увидеть именно этот когда-то нелюбимый, но сейчас бесконечно дорогой его сердцу город.

Подведем итоги. Один из критиков назвал Игоря Северянина «форелью культуры», с чем нельзя не согласиться. Ведь форель – это рыба, которая может жить только в чистой прозрачной воде. И именно такой «водой» стал для поэта Серебряный век русской культуры, само название которого говорит о многом. Но талант Игоря Северянина не мог бы сформироваться и без чистых родниковых вод северных рек и озер, которыми он напитался в староновгородских краях, т.е. на Череповецкой земле. Для ценителей творчества поэта это факт очевидный.

Поэтому понять его поэзию очень сложно без посещения Андоги, Сойволы, Владимировки и Череповца. И в этом списке очень сложно расставить приоритеты, потому что каждое из этих селений является вехой творческого пути поэта. Андога (ныне поселок Андогский) стало местом, где поэт впервые познал чудо северной природы; Сойвола – место, где он впервые испытал чувство настоящей любви; Череповец, где поэт обрел «впервые лиру»; Владимировка, ставшая местом, питавшим его творческое вдохновение.

Кроме того, к числу северянинских мест следует отнести: все окрестности, включая Заозерье, упоминаемое в стихах; Нелазское, где располагался приходской храм; Михайлово, где имелся второй приходской храм, близ которого похоронена тетя поэта; Хохлово, где нашел последний покой дядя, без материальной помощи которого был бы невозможен столь триумфальный взлет поэта; и станцию Суда, откуда Игорь отправлялся во Владимировку.

Литература

1. *Журов Г.В.* Счастливые дни поэта: воспоминания об Игоре-Северянине // *Соборная гора: Вестник истории и культуры Череповецкого края.* Череповец, 2001. С. 78–83.

2. *Кошелев В.А., Сапогов В.А.* «Музей моей весны...» // Северянин И. Стихотворения. Поэмы. Архангельск, 1988. С. 5–20.

3. *Кошелев В.А.* Череповецкий край в поэзии Игоря Северянина // *О Игоре Северянине: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Северянина.* Череповец, апрель 1987 г. / Отв. ред. В.А. Сапогов. Череповец, 1987. С. 8–11.

4. *Мальцев М.Г.* Игорь Северянин и Череповецкий край. СПб., 2010. Ч. 1–2.

5. Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Новгород, 1902. Т. 7. С. 93.

6. Материалы для оценки фабрик и заводов. Череповецкий и Демянский уезды. Новгород, 1901. С. 19–25.

7. *Минин В.Н.* Усадьба «Сойвола»: поэтическая колыбель И. Северянина. Череповец, 2002.

8. Постановление администрации Вологодской области № 45 от 24.01.1994 г.

9. *Северянин И.* Сочинения: В 5 т. Т. 1 / Сост. В.А. Кошелев, В.А. Сапогов. СПб., 1995.

10. *Северянин И.* Сочинения: В 5 т. Т. 2 / Сост. В.А. Кошелев, В.А. Сапогов. СПб., 1995.

11. *Северянин И.* Сочинения: В 5 т. Т. 4 / Сост. В.А. Кошелев, В.А. Сапогов. СПб., 1996.

12. *Северянин И.* Сочинения: В 5 т. Т. 5 / Сост. В.А. Кошелев, В.А. Сапогов. СПб., 1996. С. 84.

13. Я – гений Игорь Северянин: Сб. / Сост., вст. ст. и коммент. В.Н. Терехиной. Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб., 2013.